

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

[Home](#) / [Почта по сайту](#) / [Обратная связь](#)

26

[БИОГРАФИЯ](#) [БИБЛИОГРАФИЯ](#) [КНИГИ](#) [ПЕРЕВОДЫ](#) [СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ](#) [КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ](#)
[ИНТЕРВЬЮ](#) [РЕЦЕНЗИИ](#) [АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ](#) [НОВОСТИ](#) [ФОТОГРАФИИ](#) [РАЗНОЕ](#) [ГОСТЕВАЯ КНИГА](#)

[Отобразить меню](#)

[Главная страница](#) / [Избранные статьи, доклады](#) /

 [Версия для печати](#)

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ

Доклад на конференции «Россия и европейская интеграция» в Венской Политической Академии 8 ноября 2003

Епископ Венский и Австрийский Иларион (Алфеев)

В истории Русской Православной Церкви XX век остался как самый кровавый и трагический. Беспрецедентные по своим масштабам гонения были развязаны против Церкви безбожниками после прихода их к власти в России в 1917 году. За двадцать лет революционного террора, начавшегося

при Ленине и продолженного при Сталине, Церковь была почти полностью разгромлена. К 1939 все монастыри и духовные школы были закрыты, десятки тысяч храмов взорваны или закрыты. Из 60 тысяч дореволюционных храмов незакрытыми оставалось лишь около ста, из 300 дореволюционных архиереев на свободе оставалось лишь четыре. Абсолютное большинство духовенства — а речь идет о многих десятках тысячах — было расстреляно или замучено в лагерях. В годы Второй мировой войны политика властей по отношению к религии несколько изменилась, однако 1960-е годы ознаменовались новой волной гонений. Вплоть до начала 1990-х годов Церковь оставалась социальным изгоем (“social outcast”): невозможно было открыто исповедовать христианство и при этом занимать хоть сколько-нибудь значимое положение в обществе. Вся деятельность Церкви находилась под строжайшим контролем светских властей, количество храмов и священнослужителей жестко регламентировалось, а миссионерская, просветительская и благотворительная деятельность была запрещена.

Несмотря на семьдесят лет жестоких гонений Русская Церковь не оказалась полностью обескровленной к началу 1990-х годов. Напротив, уже в 70-е и 80-е годы XX века наблюдалось постепенное возрастание интереса к религии у представителей всех слоев населения, в частности у молодежи. Этот процесс приобрел массовый характер после падения советского режима. За последние двенадцать лет были открыты тысячи храмов, сотни монастырей, десятки богословских учебных заведений. Число архиереев к настоящему моменту выросло более чем вдвое и сейчас составляет 150; число священнослужителей и возглавляемых ими приходов выросло более чем вчетверо и составляет около 30 тысяч. Впечатляет статистика роста количества монастырей: если в 1988 году у Московского Патриархата было 18 монастырей, то сейчас их количество перевалило за 600. А число богословских учебных заведений за этот же период выросло с 3 до более 100.

Согласно статистическим данным, около 70% россиян считает себя принадлежащими к Русской Православной Церкви. Большинство верующих Украины, Беларуси и Молдовы принадлежат к Московскому Патриархату, тогда как в странах Балтии (Эстония, Латвия, Литва) и государствах Средней Азии (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) членами нашей Церкви является большинство православных верующих. Общее число членов Русской Православной Церкви, проживающих в России и перечисленных странах, а также за их пределами (в частности, в Западной Европе) составляет более ста миллионов.

Беспрецедентный количественный рост сопровождался кардинальными переменами в социополитическом положении Церкви. Впервые после более семидесяти лет Церковь вновь стала интегральной частью общества, признанной духовно-нравственной силой, обладающей высоким общественным авторитетом. Впервые после многих столетий Церковь обрела право самостоятельно, без вмешательства со стороны светских властей, определять свое место в обществе, выстраивать свои отношения с государством.

Изменение ситуации потребовало от Церкви огромных усилий по преодолению «менталитета гетто», который сложился за долгие годы ее вынужденной изоляции. Если раньше служитель Церкви общался почти исключительно со своими прихожанами, которые мыслили теми же категориями, что и он сам, то теперь священник столкнулся лицом к лицу с огромной массой невоцерковленных людей, чьи знания о религии были рудиментарными или нулевыми. Если раньше священник не выходил с проповедью за стены своего храма, то теперь для него открылись возможности выступать на телевидении, по радио, в печатных изданиях. Если раньше общество жило своей жизнью, а Церковь своей, то теперь Церковь оказалась вовлеченной в общественную дискуссию по основным вопросам современности.

Десять лет интенсивной интеллектуальной работы по осмыслению современной проблематики увенчались принятием на Архиерейском Соборе 2000 года документа под названием «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Значение этого документа еще до конца не осмыслено и не оценено по достоинству. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» — это своего рода кодекс, отражающий общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом. «Основы социальной концепции» представляют собой весьма объемный документ (более 100 страниц), который призван стать духовным и нравственным руководством для всей полноты Русской Церкви. Нравственные требования, заложенные в «Основах», являются обязательными для исполнения не только священнослужителями и членами клира, но, и не в меньшей степени, мирянам или рядовым членам Церкви.

Нужно отметить, что процесс выработки этого концептуального документа не был легким. В редакционную группу входили люди различных, порой диаметрально противоположных взглядов. Некоторые темы, в частности, такие как взаимоотношения Церкви и государства, личная, семейная и общественная нравственность, биоэтика и национальное самосознание вызвали и продолжают вызывать оживленные дискуссии в церковной среде. Некоторые мнения, казалось, невозможно примирить между собой, однако, как подтвердил опыт редакционной группы, соборный разум способен преодолеть внутренние противоречия путем взаимного приближения к источникам веры Церкви — к сокровищам ее Предания. Принятый Собором документ является результатом конструктивных и творческих дискуссий и плодом достигнутого консенсуса по тем вопросам, по которым Церковь ранее никогда не высказывалась.

Впервые за всю свою историю Русская Церковь с предельной ясностью определила свое положение по отношению к светскому обществу, обозначила, в чем заключается ее миссия в мире. «Задача светского закона — не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад» (IV.2). Смысл бытия Церкви в мире, соответственно, заключается в подражании спасительной миссии Господа Иисуса Христа, Который «пришел в этот мир, "смирив" Себя до его условий, — в мир, который надлежало Ему спасти и восстановить» (I.2). «Церковь должна пройти через этот процесс исторического кенозиса, осуществляя

свою искупительную миссию. Ее целью является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира. Церковь призвана действовать в мире по образу Христа, свидетельствовать о Нем и Его Царстве» (I.2).

В западных средствах массовой информации нередко говорится о том, будто Русская Православная Церковь, следуя византийской традиции церковно-государственной симфонии, пытается занять место государственной церкви, сделав православие государственной религией. Многочисленные заявления Святейшего Патриарха Алексия II, Священного Синода и ведущих иерархов Русской Церкви, а также «Основы социальной концепции» свидетельствуют о беспочвенности таких обвинений.

Церковь прекрасно сознает опасность, связанную с потерей свободы через включение ее в состав государственного механизма. Православие было государственной религией России на протяжении многих столетий. Для Церкви это означало не только высокое положение и большие доходы, но и полную зависимость от государства. В синодальный период (1700—1917 гг.) Церковь была полностью порабощена государством, не свободна в своих действиях, она была по сути дела одной из частей государственного бюрократического аппарата. У Церкви не было даже своего патриарха: ее возглавлял царь как «блюститель веры». В советское же время Церковь находилась в еще большем порабощении у государства и, хотя официально провозглашался принцип отделения Церкви от государства, на самом деле это отделение работало только в одну сторону: Церковь ничего не получала от государства, но государство вмешивалось в дела Церкви и полностью контролировало ее жизнь.

Учитывая печальный опыт гонений в XX веке, Русская Православная Церковь внесла в «Основы социальной концепции» следующее положение: «Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь: совершать дело спасения людей в любых условиях и при любых обстоятельствах». И далее: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении» (III.5).

Случай такого неповиновения гражданской власти может носить как личный, так и общецерковный характер: «Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должном рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению» (III.5).

Пункт о гражданском неповиновении — неотъемлемая часть самосознания

Православной Церкви. Однако «Основы социальной концепции», думаю, являются первым документом в истории мирового Православия, где заявление о возможности неповиновения государству сделано на официальном уровне. И это лишний раз иллюстрирует ту степень свободы, которой обладает сегодня наша Церковь в России и других странах «постсоветского пространства».

Цитируемый документ последовательно раскрывает систему построения взаимоотношений с государством и обществом. Утверждая принцип разграничения Церкви и государства, документ Собора подчеркивает, что «Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству: противостояние греху путем насилия, использование мирских властных полномочий, принятие на себя функций государственной власти, предполагающих принуждение или ограничение» (III.3). В свою очередь Церковь ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам. «Государство не должно вмешиваться в жизнь Церкви, в ее управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику и так далее, равно как и вообще в деятельность канонических церковных учреждений, за исключением тех сторон, которые предполагают деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством, его законодательством и властными органами. Церковь ожидает от государства уважения к ее каноническим нормам и иным внутренним установлениям».

Свое участие в делах государственных Церковь может реализовать через сотрудничество в тех областях, которые соприкасаются со сферой ее интереса, как то: а) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами; б) забота о сохранении нравственности в обществе; в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ; д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры; е) диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений; ж) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание; з) труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; и) наука, включая гуманитарные исследования; к) здравоохранение; л) культура и творческая деятельность; м) работа церковных и светских средств массовой информации; н) деятельность по сохранению окружающей среды; о) экономическая деятельность на пользу Церкви, государства и общества; п) поддержка института семьи, материнства и детства; р) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества.

В «Основах социальной концепции» затронуты и многие другие вопросы, такие как, например, взаимоотношения между Церковью и политикой: в

документе говорится, что Церковь не участвует в политической борьбе и не может ассоциировать себя с той или иной политической партией или политической силой. В то же время подчеркивается: «Неучастие церковной Полноты в политической борьбе, в деятельности политических партий и в предвыборных процессах не означает ее отказа от публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам, от представления этой позиции перед лицом органов власти любой страны на любом уровне. Такая позиция выражается исключительно церковными Соборами, Священноначалием и уполномоченными им лицами. В любом случае право ее выражения не может быть передано государственным учреждениям, политическим или иным светским организациям» (V.2).

Заявляя о возможности неповиновения государству, Церковь в то же время готова быть соратницей государства в деле нравственного воспитания народа. Сами православные христиане призываются подавать живой пример разумного и жертвенного отношения к Отечеству. «Патриотизм православного христианина должен быть действенным. Он проявляется в защите отечества от неприятеля, труде на благо отчизны, заботе об устройении народной жизни, в том числе путем участия в делах государственного управления. Христианин призван сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание» (II.3).

Важно, что в церковной традиции понятие «патриотизм» не имеет оттенка национализма или неприязни иных наций и народов. «Национальные чувства могут стать причиной греховных явлений, таких как агрессивный национализм, ксенофобия, национальная исключительность, межэтническая вражда. В своем крайнем выражении эти явления нередко приводят к ограничению прав личностей и народов, войнам и иным проявлениям насилия. Православной этике противоречит деление народов на лучшие и худшие, принижение какой-либо этнической или гражданской нации. Тем более несогласны с Православием учения, которые ставят нацию на место Бога или низводят веру до одного из аспектов национального самосознания» (II.4.).

Касаясь вопроса об отношении к войне и миру, Церковь заявляет о том, что всякая война является следствием человеческого греха. В то же время делается различие между войной оборонительной и войной наступательной. Церковь не призывает верующих к отказу от воинской службы и от участия в военных действиях: пацифизм не провозглашается как основной принцип. «Признавая войну злом, — говорится в документе, — Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством» (VIII.2).

В документе высказана мысль о желательности отмены смертной казни, хотя прямого призыва к властям документ не содержит: этот вопрос, по мнению Церкви, должен решаться в соответствии с тем уровнем, которого достигло то или иное государство, то или иное общество. В документе, в частности, говорится: «Особая мера наказания — смертная казнь — признавалась в Ветхом Завете. Указаний на необходимость ее отмены нет

ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной Церкви. Вместе с тем, Церковь часто принимала на себя долг печалования перед светской властью об осужденных на казнь, прося для них милости и смягчения наказания. Более того, христианское нравственное влияние воспитало в сознании людей отрицательное отношение к смертной казни. Отмена смертной казни дает больше возможностей для пастырской работы с оступившимся и для его собственного покаяния. К тому же очевидно, что наказание смертью не может иметь должного воспитательного значения, делает непоправимой судебную ошибку, вызывает неоднозначные чувства в народе. Сегодня многие государства отменили смертную казнь по закону или не осуществляют ее на практике. Помня, что милосердие к падшему человеку всегда предпочтительнее мести, Церковь приветствует такие шаги государственных властей. Вместе с тем она признает, что вопрос об отмене или неприменении смертной казни должен решаться обществом свободно, с учетом состояния в нем преступности, правоохранительной и судебной систем, а наипаче соображений охраны жизни благонамеренных членов общества» (IX.3).

В разделе документа, посвященном вопросам личной и семейной нравственности, подробно говорится об отношении Церкви к браку. Как подчеркивается в документе. Церковью признается гражданский брак, который не должен отождествляться с блудом. Признается также второй и — в исключительных случаях — третий брак. Относительно браков с инославными и иноверцами документ говорит следующее: «В соответствии с древними каноническими предписаниями, Церковь и сегодня не освящает венчанием браки, заключенные между православными и нехристианами, одновременно признавая таковые в качестве законных и не считая пребывающих в них находящимися в блудном сожителстве. Исходя из соображений пастырской икономии, Русская Православная Церковь как в прошлом, так и сегодня находит возможным совершение браков православных христиан с католиками, членами Древних Восточных Церквей и протестантами, исповедующими веру в Троидного Бога, при условии благословения брака в Православной Церкви и воспитания детей в православной вере. Такой же практики на протяжении последних столетий придерживаются в большинстве Православных Церквей» (X.2).

Особый интерес представляет раздел документа, посвященный проблемам биоэтики. Впервые в Православной Церкви эти проблемы подвергнуты столь детальному анализу и по ним выражена официальная церковная позиция. Так например, в документе говорится о категорическом неприятии Церковью аборта, который каноническими правилами приравнивается к убийству. В то же время, «в случаях, когда существует прямая угроза жизни матери при продолжении беременности, особенно при наличии у нее других детей, в пастырской практике рекомендуется проявлять снисхождение. Женщина, прервавшая беременность в таких обстоятельствах, не отлучается от евхаристического общения с Церковью, но это общение обуславливается исполнением ею личного покаянного молитвенного правила, которое определяется священником, принимающим исповедь» (XII.2).

Что касается контрацепции, то она в документе не приравнивается однозначно к аборту. «Некоторые из противозачаточных средств, — подчеркивается в документе, — фактически обладают абортным действием, искусственно прерывая на самых ранних стадиях жизнь эмбриона, а посему к их употреблению применимы суждения, относящиеся к аборту. Другие же средства, которые не связаны с пресечением уже зачатой жизни, к аборту ни в какой степени приравнивать нельзя. Определяя отношение к неабортным средствам контрацепции, христианским супругам следует помнить, что продолжение человеческого рода является одной из основных целей богоустановленного брачного союза. Намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений обесценивает брак и является несомненным грехом (XII.3).

Манипуляции, связанные с донорством половых клеток, так называемое «суррогатное материнство» и все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предполагающие заготовку, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» клеток, признаются нравственно недопустимыми с православной точки зрения. Отрицательно относясь к генной терапии половых клеток, Церковь в то же время приветствует усилия медиков, направленные на врачевание наследственных болезней, в том числе бесплодия. Нравственно оправданной, с точки зрения Церкви, может считаться и пренатальная диагностика, «если она нацелена на лечение выявленных недугов на возможно ранних стадиях, а также на подготовку родителей к особому попечению о больном ребенке».

Однозначно осуждается замысел клонирования человека: он, по мысли авторов документа, «является несомненным вызовом самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности». В то же время допускается клонирование изолированных клеток и тканей организма, которое «не является посягательством на достоинство личности и в ряде случаев оказывается полезным в биологической и медицинской практике».

Нравственно неприемлемой признается так называемая эвтаназия, являющаяся, по мнению Церкви, нарушением заповеди Божией «не убивай» (Исх. 20,13). «Просьба больного об ускорении смерти подчас обусловлена состоянием депрессии, лишаящим его возможности правильно оценить свое положение, — говорится в документе. — Признание законности эвтаназии привело бы к умалению достоинства и извращению профессионального долга врача, призванного к сохранению, а не к пресечению жизни... Эвтаназия является формой убийства или самоубийства, в зависимости от того, принимает ли в ней участие пациент» (XII.8).

Отрицательная оценка дана в документе гомосексуальным половым связям, в которых Церковь усматривает «порочное искажение богозданной природы человека». Гомосексуальный союз не может быть уравнен в правах с брачным союзом мужчины и женщины. «Относясь с пастырской ответственностью к людям, имеющим гомосексуальные наклонности, Церковь в то же время решительно противостоит попыткам представить

греховную тенденцию как "норму", а тем более как предмет гордости и пример для подражания», — говорится в документе (XII.9).

Говоря об операциях по смене пола, документ подчеркивает, что подобного рода операции являются «бунтом против Творца». Если «смена пола» произошла с человеком до принятия Крещения, то он может быть допущен к этому Таинству, однако должен быть крещен как принадлежащий к тому полу, в котором родился. Рукоположение такого человека в священный сан и вступление его в церковный брак недопустимо.

Заключительный раздел «Основ Социальной Концепции» посвящен теме международных отношений, а также проблемам глобализации и секуляризма. В документе говорится о том, что глобализационные процессы «способствуют общению людей, распространению информации, эффективной производственно-предпринимательской деятельности». В то же время Церковь обращает внимание на внутреннюю противоречивость этих процессов и связанные с ними опасности: «Во-первых, глобализация, наряду с изменением привычных способов организации хозяйственных процессов, начинает менять традиционные способы организации общества и осуществления власти. Во-вторых, многие положительные плоды глобализации доступны лишь нациям, составляющим меньшую часть человечества, но имеющим похожие экономические и политические системы. Другие же народы, к которым принадлежит пять шестых населения планеты, оказываются выброшенными на обочину мировой цивилизации. Они попадают в долговую зависимость от финансистов немногих промышленно развитых стран и не могут создать достойные условия существования. Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики. Такой контроль, целью которого должно стать подчинение любой предпринимательской и финансовой деятельности интересам человека и народа, должен осуществляться через использование всех механизмов, доступных обществу и государству. Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинно равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ» (XVI.3).

Принятые всей полнотой Русской Церкви в 2000 году «Основы социальной концепции» вызвали огромный общественный резонанс в России и за ее пределами. Вслед за Православной Церковью аналогичные документы были составлены представителями других традиционных религий. Для православных верующих России радостно сознавать, что по большинству общественно-политических проблем с ними полностью солидарны и мусульмане, и иудеи, и буддисты. Документ Русской Православной Церкви был высоко оценен и в среде политиков, дипломатов, государственных деятелей, большинство из которых приветствовало его как платформу для плодотворного диалога между Церковью и государством, между Церковью и обществом.

Я потому столь подробно остановился на «Основах социальной концепции», что этот документ, на мой взгляд, является наиболее очевидным выражением социополитической релевантности Русской Православной Церкви. В России Церковь заняла подобающее ей место в ряду общественных и политических сил. Будучи отделена от государства, Церковь более не отделена от общества. Будучи свободна от контроля со стороны светских властей, Церковь способна оказывать духовно-нравственное влияние на общественно-политические процессы. Создана уникальная ситуация партнерства между Церковью и государством, характеризующаяся взаимным уважением при строгом соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела друг друга.

Означает ли вышесказанное, что все основные проблемы во взаимоотношениях между Церковью и государством решены? Можно ли говорить о том, что Церковь обладает всеми возможностями для беспрепятственного служения обществу? Отнюдь нет. Остается целый комплекс проблем внешнего и внутреннего характера, который еще предстоит решить. Оставляя в стороне другие страны «постсоветского пространства», остановлюсь лишь на нескольких серьезных проблемах, стоящих перед Церковью в Российской Федерации.

Православная Церковь в России ныне обладает правом заниматься благотворительной деятельностью. Однако масштабы церковной благотворительности несопоставимы с масштабами социальных бедствий, требующих участия Церкви. В значительной степени эта ситуация объясняется тем, что у Церкви до сих пор нет стабильной финансовой базы, которая позволяла бы ей осуществлять широкую благотворительность. Напомню, что до 1917 года Церковь была крупнейшим землевладельцем и обладала колоссальной недвижимостью. Вся эта собственность была после революции национализирована, и никакой реституции до настоящего времени не произошло. Государство возвращает Церкви многие культовые здания, однако возвращает в пользование, а не в собственность. На практике это, как правило, означает, что от Церкви требуется восстановление за свой счет тех зданий, которые советская власть превратила в руины, однако даже восстановленные здания остаются государственной собственностью.

Поэтому в отличие от тех стран, где церковное имущество не было национализировано (как в Австрии) или где произошла реституция собственности (как в Литве), в России у Церкви нет недвижимости, которую она могла бы использовать в качестве источника дохода. В отличие от государств, где (как в Германии) существует церковный налог, в России Церковь сама облагается различными налогами. Главным источником дохода для Церкви остаются, как и в советское время, добровольные пожертвования верующих. Однако на одних пожертвованиях невозможно развернуть широкую благотворительность: возможны лишь отдельные проекты, осуществляемые благодаря привлечению частных спонсоров.

Другой комплекс проблем связан с просветительской деятельностью, которой Православная Церковь в России занимается, однако, опять же, не в том масштабе, в каком могла бы. Развернувшаяся недавно полемика

вокруг преподавания «Основ православной культуры» в светских школах показала, что некоторая часть общества еще не готова к прямому влиянию Церкви на детей, опасаясь, что это нарушит секулярный характер государства либо приведет к межрелигиозным столкновениям. Впрочем, между представителями традиционных религий по данному вопросу существует полное взаимопонимание: лидеры основных нехристианских конфессий России высказались за преподавание основ Православия в тех регионах, где оно является религией большинства. Недовольство желанием Церкви обучать детей религии наблюдается лишь у нерелигиозных людей, каковых по разным подсчетам в российском обществе около 20%.

После долгой и напряженной полемики государство признало право средних школ на преподавание «основ православной культуры» в качестве факультативного предмета. Параллельно был разработан стандарт «теология» для высших учебных заведений. Все это открывает новые возможности для просветительской деятельности Церкви. Однако теперь уже встает другой вопрос: хватит ли у самой Церкви сил для того, чтобы использовать открывшиеся возможности? До настоящего времени этих сил явно не хватало, о чем в марте 2003 года достаточно резко говорил в своем обращении к московскому духовенству Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий: «Миссионерская и катехизаторская деятельность приходов по-прежнему, как в советский период, замыкается почти исключительно в стенах храмов или церковно-приходских школ, в то время как существует множество других возможностей для убедительного свидетельства о православной вере и православной культуре. Вне сферы нашей катехизаторской и просветительской деятельности остаются светские учебные заведения всех уровней, где можно и нужно организовать, по согласованию с руководством этих заведений, даже вне рамок основного учебного процесса, христианские православные факультативы, циклы тематических лекций и пастырских бесед. Из-за нашей инертности и лени мы не выполняем прямой заповеди Господа: "Идите, научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелел вам" (Мф. 28, 19-20). Как известно, свято место пусто не бывает, и образовавшийся из-за нашей нерешительности и лени вакуум настойчиво занимают сектанты и представители других конфессий, которых можно встретить повсюду, от детских домов до домов престарелых, от общеобразовательных школ до университетов и академий».

Говоря о внутренних проблемах Церкви, должен сказать, что по-прежнему остро строит вопрос об образовательном уровне нашего духовенства. Резкое увеличение числа богословских учебных заведений, о котором я упоминал в начале своего доклада, совсем не во всех случаях означало качественное повышение уровня преподавания в них. Низкий уровень образования в некоторых духовных школах приводит к тому, что их выпускники, становясь священниками, не могут на должном уровне вести диалог с представителями интеллигенции, что, в свою очередь, снижает общественную значимость Церкви.

Можно было бы еще много сказать о проблематике, связанной с социополитической релевантностью Русской Православной Церкви на

данном этапе, но главное, мне кажется, заключается в том, что после семи десятилетий гонений и одного десятилетия свободы мы находимся лишь в начале долгого и трудного пути. На этом пути Церкви предстоит сделать многое. Церковь будет трудиться над нравственным возрождением общества вне зависимости от того, будет ли она в этой своей деятельности получать поддержку со стороны государства. Однако опыт показывает, что, когда государство настроено на сотрудничество и партнерство с Церковью, социополитическая релевантность Церкви и ее эффективность в решении общественных проблем многократно возрастают.

Позвольте мне завершить свой доклад словами Святейшего Патриарха Алексия из уже цитированного обращения к московскому духовенству: «Возрождение храмов и обителей является, несомненно, чудом нашего времени, но главное, чтобы не только засияли купола обновленных храмов и начались в них богослужения, но и произошло перерождение в душах людей, чтобы они могли взглянуть на свою жизнь, на вещи, обесцененные временем, и понять: то, чего не может дать человеку мир, в полноте дает Церковь, возводя душу в особое, светлое и радостное состояние, соединяя ее в Таинствах с Богом. Каждый храм, каждая обитель — это попытка создать на земле особый, высший и благодатный град, где бы царили добро и любовь и где не было бы места злу. И наша главная обязанность — созидать этот благодатный град».